УДК [069.5:749.1(=161.1)]:7.072.5

Н. В. Углева

Коллекционирование древней русской мебели в музеях России

Новое исследование касается одного из важнейших аспектов музейной работы – атрибуции памятников. В данном случае рассматривается группа образцов мебельного искусства, созданных до XVII в., которая в настоящее время вычленена методом искусствоведческого анализа в процессе систематизации коллекции Государственного исторического музея. В процессе работы поставлена задача переатрибуции этих памятников, датированных предшественниками XVI–XIX вв. В данный ряд по аналогии включены экспонаты из других музеев России. Атрибуция мебели отличается сложностями в связи с отсутствием клейм, владельческих знаков, документально зафиксированного провенанса. В решении задачи установления места и времени создания дополнительные сведения можно почерпнуть из истории формирования специализированных музейных коллекций, крупнейшие из которых в области древнего наследия были созданы в Государственном историческом музее и музее «Российские древности» П. И. Щукина. Как было установлено, их собрания комплектовались по единому принципу приобретения предметов с чертами архаики. Проведение такой работы актуально для оптимизации исторического контекста и использования результатов в практике атрибуции, экспонирования, в издательской и популяризаторской деятельностях музеев России, располагающих подобными артефактами, а также для введения в научный оборот новых сведений области отечественной истории в целом и музееведения в частности.

Ключевые слова: атрибуция, древняя русская мебель, коллекция, Государственный исторический музей, П. И. Щукин

Natalia V. Ugleva

Collecting ancient Russian furniture in Russian museums

The new study concerns one of the most important aspects of museum work – the attribution of monuments. In this case, we consider a group of furniture art samples created before the XVII century, which is currently determined by the method of art history analysis in the process of systematization of the collection of the State Historical Museum. In the process of work, the task of re–attribution of these monuments dated by the predecessors of the XVI–XIX centuries are set. By analogy, this series includes exhibits from other museums in Russia. Attribution of furniture has difficulties, as there are no brands, ownership marks, documented provenance. In solving the problem of determining the place and time of creation, additional information can be found from the history of the formation of specialized museum collections, the largest of which in ancient heritage were created in the State Historical Museum and the Museum «Russian Antiquities» by P. I. Shchukin. As it was established, their collections were completed according to the same principle of acquiring objects with archaic features. Conducting such work is relevant for optimizing the historical context and using the results in the practice of attribution, exhibiting, publishing and popularization activities of Russian museums with similar artifacts, as well as for introducing added information into scientific circulation in the sphere of national history and museology.

Keywords. attribution, ancient Russian furniture, collection, State Historical Museum, P. I. Shchukin
DOI 10.30725/2619-0303-2022-3-121-127

Настоящая работа посвящена той части мебельных артефактов, которые впервые автор выделил в зону самостоятельного изучения. Группа памятников была вычленена в процессе систематизации коллекции русской мебели Государственного исторического музея (ГИМ), атрибуции ее памятников, а затем расширена включением сходных экспонатов из других музеев России. Таким образом в кругу исследования оказалась древняя мебель отечественного производства, созданная до восшествия на престол династии Романовых. То есть верхняя граница разрабатываемой темы обозначена XVI в., тогда как нижняя окончательно не зафиксирована, находится в процессе определения. Признаками, в комплексе прослеживающимися в каждом объекте, по которым выделялся материал, являются особенности художественного ре-

шения, транслирующие характерные черты одного из художественных стилей, начиная от романского до Ренессанса, включая последний; архаичность конструкции с использованием деревянных «гвоздей»; необычайно легкий вес предмета; сохранность предмета со следами поздних наслоений, починок, уменьшенная высота ножек, иногда до уровня проножки и выше, вплоть до ее утраты.

Обращение к материалу, который, казалось бы, еще в XX в. был прочно привязан к истории мебельного производства, связано с тем, что в современной музейной практике принятая и устоявшаяся датировка всех древних предметов находится на временном отрезке между XVI – первой половиной XVIII в. В результате проведенной работы исследователями XX в., пытавшимися реконструировать хронологию создания мебели в России, была создана теория, что мебель, изготовленная ранее XVI в., не сохранилась. В качестве главных причин ее исчезновения указывались многочисленные пожары и татаро-монгольское иго. В рамках этого же утверждения находится положение, что предметы XVI–XVII вв. зафиксировали утраченные модели домонгольского времени, что является парадоксальным, так как, исходя из первого постулата, предметы подражания были утрачены. Все перечисленное, по нашему мнению, является мифологемой, не соответствует истине и связано с малой, недостаточной или односторонней изученностью артефактов, что наглядно можно проиллюстрировать доказательной базой, используемой при атрибуции памятников. С XIX в. она зиждилась на аргументах, основанных только на мемориальной составляющей: время создания мебели сопрягалось с датами жизни владельца или возведения архитектурного сооружения, где было обнаружено. Оба положения являются спорными или вовсе бездоказательными, поскольку ни в одном из известных нам случаев не подкреплены документально. Можно найти множество примеров атрибуций несостоятельных вовсе или приемлемых лишь частично, начиная со знаменитых древних тронных кресел, и по ныне находящихся в экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля [1] до Гефсиманского кресла, по преданию, принадлежавшего царю Ивану IV. Еще одним фактором, позволяющим предположить наличие отечественной ранней мебели, является существование предметов XII–XVI вв. зарубежного происхождения в европейских коллекциях в странах, где в этот период проходили войны, а также существовала извечная проблема, сопровождавшая повсеместно человечество, – пожары.

К главным препятствиям и обстоятельствам, создающим особые сложности при изучении древнерусской мебели сегодня, являются следующие факторы:

Устоявшиеся необоснованные датировки, требующие пересмотра и в корне меняющие историю отечественного мебельного производства.

Не сохранились древние документы, позволяющие определить внешний облик предметов.

Изображения мебели в рукописях и на иконах нельзя использовать как неоспоримый исторический источник, требуется внимательнейший анализ, так как они могут являться результатом авторского вымысла или канона.

Находящиеся ныне в музейных собраниях артефакты не имеют клейм производителя, владельческих знаков.

Наличие легенд о месте бытования или собственниках – явление единичное и требующее дополнительного исследования, подтверждения, и порой они относятся к дезинформации.

Наглядным примером иллюстрации последнего положения является то, что значительная часть объектов обнаружена нами в фонде крестьянского хозяйства конца XVIII–XIX вв. ГИМ, сформированного на основе материалов экспедиционных сборов. В качестве провенансов привезенных образцов отмечено происхождение их из народного быта конкретных населенных пунктов, поэтому при атрибуции не учитывалась возможность территориальных миграций и вторичного использования – смены социальной принадлежности от первичного элитарного происхождения, сведения о котором были утеряны за время длительного использования, и постепенного перемещения предмета из парадных интерьеров – в жилую среду, затем – в бытовую зону подсобных помещений и, наконец, за несколько истекших веков в дома сельских жителей или посада, где изначальное добротное качество исполнения с использованием первосортных материалов позволило сохраниться мебели до поступления в музейные собрания. Показателен в этом смысле пример Чувашско-Марийской экспедиции

1937 г., доставившей в ГИМ среди прочего складной стул русской работы курульной конструкции, выполненный по легко узнаваемому ренессансному итальянскому образцу, вероятно, в XV – первой половине XVI в., но записанный в учетную документацию как предмет 1870–1880-х гг. Можно предположить с высокой степенью достоверности, что этот артефакт оказался на указанной территории, где осуществлялся сбор материала, в процессе активного освоения новых земель во времена Василия III и Ивана IV.

В настоящее время продолжается выделение памятников не только в фонде Исторического музея, но и в собраниях других музеев России для их последующего изучения и пересмотра сложившихся атрибуций. В качестве альтернативы распространенной практике освоения исторического провенанса, считаем, что продуктивным будет путь рассмотрения мебели в качестве объектов искусства, т. е. путем комплексного искусствоведческого экспертирования. В этом контексте немаловажная роль принадлежит определению, когда появились первые специализированные собрания именно древней мебели и по каким принципам они комплектовались, что открывает дополнительные возможности для нашей работы1. Конкретизируя это положение, отметим значимость такой информации для определения исторического контекста каждого памятника, позволяющего объяснить причины его создания в том или ином стиле, использования того или иного конструктивного решения. Атрибуция, максимально приближенная к объективности, имеет основополагающее значение для самых разнообразных музейных практик и важнейшей из них – музейного использования, которое конкретизирует назначение музейного собрания, выявляет суть существования музейной коллекции и, что особенно важно, каждой ее составляющей. Благодаря этому решается главная задача музеологии, определенная известным ученым П. ван Меншем [2, с. 106], который уточняет, что для эффективного развития этой отрасли науки «именно предмет (в самом широком смысле этого слова) является raison d`etre2 и музеев, и музеологии».

Путь комплексного музеологического исследования лежит в основе изучения коллекций. Именно такой подход дает возможность множество, на первый взгляд, разрозненных экспонатов сгруппировать и объединить в структурированную систему, позволяющую продемонстрировать общие тенденции в художественном и конструктивном решении, выявить типологии в данном виде искусства, обнаружить аналогии из других областей и в итоге определить такие категории, как время и место создания. Это является подтверждением актуальности изучения и реконструкции истории комплектования коллекций.

Коллекционирование древнерусской мебели в Историческом музее

Безусловно, флагманом в этой деятельности, учреждением, начавшим целенаправленно собирать именно древние русские артефакты, является Исторический музей.

Первый мебельный экспонат появился в здесь в 1890 г., спустя 15 лет с момента основания, что было определено историей строительства здания, организацией хранилищ, определением концепции в области собирательской работы [3], когда основное внимание уделялось приобретению археологических артефактов, предназначенных для наполнения экспозиции первых из открывающихся залов музея.

Если обратиться к учетной документации, то станет очевидным, что собрание древней мебели ГИМ было образовано в на протяжении первых трех десятилетий XX в. Так, на средства музея было приобретено в 1893–1914 гг. 18 предметов; принято в дар в 1890–1919 гг. 28 предметов; поступило из расформированных Музея мебели и Музея иконописи и живописи в 1927–1929 гг. 2 предмета; в результате работы Северной историко-бытовой экспедиции 1928 г. и Чувашско-Марийской 1937 г. в фонд вошли 2 предмета; из неопределенных источников, именуемых «старыми поступлениями», выявленными в результате сверки и получивших инвентарные номера в 1950-е гг., – 4 предмета. В XXI в. коллекция пополнилась закупкой в 2003 г. всего одного предмета и в 2009 г. – имуществом филиала ГИМ «Покровский собор» – 4 предмета.

Таким образом был сформирован самостоятельный тематический раздел хране-

[1] Акцент в данной работе делается на музеи, которые целенаправленно коллекционировали древние мебельные артефакты, созданные в различных регионах России. Именно поэтому в зону внимания автора не входят музеи образцов, а также краеведческие музеи, посвященные истории локальных областей, учреждений или архитектурных сооружений, где древняя мебель представлена в единичных экземплярах в соответствии со спецификой задач этих музеев.

[2] Смысл существования.

ния, насчитывающий 59 единиц хранения. Он включает стулья, кресла, столы, скамьи, шкафы, аналои, светцы, а также предметы детского обихода – креслица, скамеечки, люльки. Отдельный пласт материальной культуры представляют сундуки, которые относятся к древнейшим формам мебели. Однако они не входят в круг исследуемых предметов, так как эта часть коллекции Исторического музея была исчерпывающе научно обработана и опубликована в книге Н. Н. Гончаровой в 2018 г. [4].

Концепция комплектования ГИМ, остающаяся актуальной и сегодня, была сформулирована И. Е. Забелиным: «Исторический музей не есть музей редкостей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т. е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовой порядок миновавшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей» [5, с. 130]. Тем не менее древние образцы мебели относились, и остаются таковыми и поныне, именно к разряду «редкостей». Это наглядно иллюстрирует, например, крайне низкая интенсивность пополнения фонда, когда предметы еще в первой трети XX в. поступали в фонд не ежегодно, и приобретение каждого из них было особой удачей. Менее чем за полвека эти редчайшие образцы были практически полностью «вымыты» с антикварного рынка страны.

Так как не сохранилось документов, дающих возможность определить, по каким еще, кроме указанных И. Е. Забелиным, критериям отбирались мебель для Исторического музея, мы формулируем собственное утверждение, основанное на анализе исследуемого материала и выделении общих черт памятников. Первое – это то, о чем уже говорилось выше: все предметы относятся к разряду необычайных редкостей. Второе, что следует отметить, – внешний облик и состояние сохранности, которые отличаются архаичностью, а также отсутствием черт близкого или сходства вообще с остальным массивом предметов, которые четко соответствуют линии развития стилей XVII – начала XX в.

Комплектование мебельного фонда ГИМ было непосредственно связано с научной практикой, в чем состоит отличие от частного коллекционирования, которое может строиться, исходя из личных увлечений, которые не требуют обоснований для приобретения. Музейный научный подход, напротив, является базисной основой механизма комплектования. Он опирается на результаты первичной атрибуции и в дальнейшем – комплексного исследования предмета. Изначально такая задача решалась сотрудниками Исторического музея, как отмечал в своей статье А. М. Разгон, «ставились вопросы научной работы. Прежде всего, это было связано со сбором, научной систематизацией и изучением памятников, поступавших в фонды музея. Работа велась небольшим, но очень квалифицированным коллективом сотрудников музея, в числе которых необходимо назвать И. Е. Забелина, В. И. Сизова, А. В. Орешникова, В. А. Городцова, В. Н. Щепкина, И. М. Тарабрина, А. И. Станкевича, П. И. Щукина, Е. Ф. Корша, Г. Л. Малицкого, М. М. Воронцова» [6, с. 294]. Именно тогда была создана система инвентаризации по определенной схеме, разработанная И. Е. Забелиным. При фиксации памятников отмечалось лаконичное описание экспоната с выявлением характерных признаков; предмет включался в систему «по хронологическому порядку их происхождения». При этом требовалось использование «технического» русского языка «старинных описей», избегая употребления иностранных слов, а также максимально точно копировать надписи [7, л. 123–123 об.].

Внедрение таких правил в научную обработку поступивших древних артефактов ограничивалось немногословным описанием. Оно заносилось в Главную инвентарную книгу Музея. Показательно в этом смысле то, как в 1902 г. была под номером 39799/ Д III-4370 записана приобретенная скамья: «Скамья (кутник) деревянная резная» [8, с. 1]. Как мы видим, первичное научное определение музейного памятника отличается крайней скупостью и выполнено по образцу перечня. Здесь облик предмета определен лишь названием, материал и техника обобщены одной характеристикой без уточнения особенностей, не указаны место и время производства. Так как приведенная цитата инвентарной записи является характерной для основной части изучаемых памятников, можно сделать вывод, что это первые шаги введения древних мебельных объектов в систему музейного учета и изучения. Краткость изложенной информации объясняется недостаточностью знаний о конкретных предметах, но включение памятника в музейный фонд

транслирует понимание безусловной значимости этих артефактов.

Благодаря такому подходу было сформировано единственное в России собрание древней мебели, насчитывающее около шести десятков экспонатов, располагающее уникальным материалом в столь масштабном объеме не только по количеству, но и по полноте ассортимента, в то время как в историко-художественных коллекциях других музеев подобные памятники представлены лишь единичными экземплярами.

Коллекционирование древнерусской мебели в музее «Российские древности»

Вторым музеем, в стенах которого целенаправленно аккумулировались древние отечественные артефакты, был музей «Российские древности», открытый в 1895 г. на Малой Грузинской в Москве знаменитым коллекционером П. И. Щукиным. Существующее и поныне собрание мебели, а также опубликованные фотоматериалы [9] позволяют утверждать, что эти древние раритеты находились в зоне его интересов. Можно констатировать, что эта коллекция, выражавшая современные тенденции поиска национальных корней, была прогрессивной для своей эпохи, являлась «предметным» отражением, своеобразным ответом на поставленные вопросы об истоках национального искусства и иллюстративным материалом для отечественной истории. О развитии явления во второй половине XIX в. пишет М. Т. Майстровская, отмечая что, именно тогда «ведущее место в общественном сознании, особенно русской буржуазии, заняла идея народности, понимаемая как идея национальной культуры, национальной независимости, демократии и национального блага, идея народа и нации» [10, с. 204].

Замысел представления редких русских артефактов со значимой исторической составляющей была лейтмотивом экспозиции музея П. И. Щукина. Именно к таковым уникальным, что совершенно очевидно, следует отнести и мебельные артефакты, количество которых сегодня исчисляется 24 экземплярами.

На основании опубликованных воспоминаний П. И. Щукина [11] невозможно точно определить источники поступления мебели, а можно представить лишь опосредовано общие сведения о комплектовании музея в целом. К одному из них можно причислить выставки-продажи из частных русских собраний, ставших источниками пополнения Щукинского музея, Г. А. Брокара, кн. Л. С. Голицына, В. А. Долгорукова, П. О. Карелина, К. С. Мазурина, А. А. Мартынова.

Еще один источник комплектования – ярмарки и магазины московских антикваров. В своих воспоминаниях П. И. Щукин писал: «Свое собрание старинных вещей я не переставал пополнять, покупая в Москве, в Нижнем Новгороде и в нижегородской ярмарке. В Москве я покупал у антикваров П. М. Иванова, С. Т. Большакова, И. Л. Силина, М. П. Вострякова, братьев Соловьевых, Ф. В. Веркмайстера, Я. И. Черномордика, Фрумкина, Когана и др. Петр Маркович Иванов имел магазин в Леонтьевском переулке, а в последствии переехал в Чернышевский. У него попадались хорошие старинные вещи, но сбывал он и поддельные, исполненные по его заказу или же своего собственного изделия» [11, с. 216]. Как становится очевидным из приведенной цитаты, П. И. Щукин был настоящим знатоком и в отличие от других современных ему коллекционеров проводил настоящее исследование, предшествующее покупке. «Щукин Петр Иванович, серьезнейший собиратель из всех мне известных, потому что он не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучивши его по книгам», – так вспоминает о своем друге А. П. Бахрушин [12, с. 8]. В описях своего музея, изданных П. И. Щукиным, не представлен ни один мебельный раритет, они встречаются лишь единицами среди других предметов на фотографиях экспозиционных залов [13].

В 1905 г. П. И. Щукин подарил свой музей Историческому как достойному восприемнику, гаранту сохранности. Таким образом собрание древней мебели Исторического музея было практически удвоено, его состав значительно расширен. Именно здесь, в Историческом музее, мебельные памятники Щукинского собрания были впервые заинвентаризированы, исходя из принятой практики краткого описания. В качестве примера можно привести один из экспонатов: «Кресло деревянное с двумя ручками; обито кожей, вместо ножек решетки из деревянных брусьев» [8, ГИМ 17100щ/Д II-656].

Включенные под эгидой Исторического музея образцы древней мебели музея «Российские древности» в 1937–1938 гг. были записаны в инвентарную книгу Отдела дере-

ва, ставшим местом их хранения. Начался новый этап исследования этих артефактов: появились фондовые помещения, научная обработка памятников велась научным сотрудником Д. Н. Ермолаевым, который впоследствии преподавал историю мебели в училище им. П. А. Строганова, участвовал в издании первой энциклопедии на русском языке о мебели Н. Н. Соболева [14]. Фиксация предметов в инвентарной книге стала более подробной, конкретизировалось время создания. Уже упоминавшееся «Кресло деревянное с двумя ручками; обито кожей, вместо ножек решетки из деревянных брусьев» было описано как «Кресло русской работы XVII, спинка и сиденье обиты кожей; кожа прикреплена к дереву мелкими гвоздиками со шляпками. Под прямыми локотниками – прорезные решетки».

Инвентаризация, анализ состава коллекции мебели в целом продолжился преемниками и последователями Д. Н. Ермолаева. Однако вопрос переатрибуции целой группы древних памятников возник лишь сегодня – в начале третьего десятилетия XXI в., почти век спустя. Работа проводится в соответствии с современным уровнем накопленных знаний, информации, с привлечением новых исследовательских технологий на основе достижений физики и химии. На основании целого комплекса сведений уточняется место изготовления, меняется датировка.

Подводя итог, отметим: первые специализированные собрания именно древней мебели появились на рубеже XIX–XX в. в Москве. Первое из них было создано в Историческом музее, второе – в музее «Российские древности» П. И. Щукина. Оба музея имели одинаковую специфику, выраженную в направленности коллекционирования памятников, связанных с отечественной историей. Как в государственном учреждении, так и в частном основным принципом комплектования был сбор памятников, носивших очевидные архаичные черты, проявившиеся в декоративном оформлении, конструктивном решении, а также состоянии сохранности. В этот период не предпринималось попытки осмысления их в контексте развития европейского искусства вследствие отсутствия опыта атрибуции подобного материала и существования искусствоведческой науки в области изучения мебели лишь на начальном этапе.

Однако высокие знаточеские качества наших предшественников позволили выделить из общего массива памятников уникальные древние артефакты, сохранить этот пласт материальной культуры и сделать его доступным для последующего исследования.

Сегодня настало время обратить более пристальное внимание на эти памятники, установить время их создания, что является важной научной проблемой. Решение ее позволит на практике расширить и углубить знания в области русского мебельного искусства, внести коррективы в использование этих музейных памятников, ввести в научный оборот сведения о них и сами памятники в качестве важного источника по изучению отечественной истории.

Список литературы

1. Углева Н. В. Для страха и величия // Низвергнутые троны Российского престола / Гос. ист. музей; авт. идеи и координатор Н. В. Углева. Москва, 2018. С. 8–13.

2. Менш П., ван. Музеологическое исследование // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 96–108.

3. Углева Н. В. Формирование мебельной коллекции Исторического музея в 1890–1930-е гг. // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 111–120.

4. Гончарова Н. Н. Русские расписные сундуки XVII–XVIII веков в собрании Исторического музея. Москва: Ист. музей, 2018. 308, [3] с.: цв. ил. (Золотой фонд Исторического музея / Гос. ист. музей).

5. Забелин И. Е. Дневники; Записные книжки / [подгот. текста, предисл., коммент. Н. А. Каргаполова; Федерал. прогр. книгоизд. России]. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 383, [1] с., [8] л. ил., портр. (Записки прошлого).

6. Разгон А. М. Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России: сб. ст. Москва, 1960. Вып. 2. С. 224–299.

7. Заметки И. Е. Забелина об Историческом музее // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 440. Оп. 1. Д. 275.

8. Главная инвентарная книга (ГИК) Государственного исторического музея. № 4. Москва: Отдел учета ГИМ, 1902. 566 с.

9. Щукин П. И. Краткое описание Щукинского музея в Москве. Москва: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1895. [2], 111 с., [9] л. ил.

10. Майстровская М. Т. Музейная экспозиция. Искусство-архитектура-дизайн. Тенденции формирования / Рос. ин-т культурологии, Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С. Г. Строганова. Москва, 2002. Ч. 1. 275 с.

11. Щукин П. И. Воспоминания. Из истории ме-

ценатства России / Гос. ист. музей. Москва, 1997. 318 с.

12. Бахрушин А. П. Из записной книжки А. П. Бахрушина: кто что собирает. Москва: Изд-во Л. Э. Бухгейм, 1916. [2], 168, [2] с., [35] л. портр.

13. Щукинский музей за 18 лет своего существования: 1892–1910 // Щукинский сборник. Москва: РИМ, 1910. Вып. 9. С. 442–451.

14. Соболев Н. Н. Стили в мебели: [ист. обзор] / Всесоюз. акад. архитектуры, Каб. худож. пром-сти. Москва: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1939. 352 с.

References

1. Ugleva N. V. For fear and greatness. The overthrown thrones of the Russian throne / State history museum; auth. ideas and coordinator N. V. Ugleva. Moscow, 2018. 8–13 (in Russ.).

2. Mensh P., van. Museological research. Questions of museology. 2014. 1 (9), 96–108 (in Russ.).

3. Ugleva N. V. The formation of the furniture collection of the Historical Museum in the 1890–1930th. Questions of museology. 2014. 2 (10), 111–120 (in Russ.).

4. Goncharova N. N. Russian painted chests of the 17th–18th centuries in the collection of the Historical Museum. Moscow: Historical Museum, 2018. 308, [3]: color ill. (Gold Fund of the Historical Museum / State Historical Museum) (in Russ.).

5. Zabelin I. E. Diaries; Notebooks. Moscow: Publ. Sabashnikov, 2001. 383, [1], [8] ill., port. (Notes of the past) (in Russ.).

6. Acceleration A. M. Russian Historical Museum. The history of its foundation and activity (1872–1917). Essays on the history of museum business in Russia: coll. of art. Moscow, 1960. 2, 224–299 (in Russ.).

7. Notes by I. E. Zabelin on the Historical Museum. Department of Written Sources of the State Historical Museum. F. 440. Op. 1. D. 275 (in Russ.).

8. Main Inventory Book (MIB) of the State Historical Museum. 4. Moscow: Accounting Dep. of the State Historical Museum, 1902. 566 (in Russ.).

9. Shchukin P. I. A brief description of the Shchukin Museum in Moscow. Moscow: typ. A. I. Mamontova, 1895. [2], 111, [9] ill. (in Russ.).

10. Maistrovskaya M. T. Museum exposition. Art-architecture-design. Tendencies of formation / Russ. Inst. of Cultural Studies, S. G. Stroganov's Moscow state art.-industrial univ. Moscow, 2002. 1, 275 (in Russ.).

11. Shchukin P. I. Memories. From the history of patronage in Russia / State Historical Museum. Moscow, 1997. 318 (in Russ.).

12. Bakhrushin A. P. From the notebook of A. P. Bakhrushin: who collects what. Moscow: Publ. house L. E. Bukhgeim, 1916. [2], 168, [2], [35] port. (in Russ.).

13. Shchukin Museum for 18 years of its existence: 1892–1910. Shchukin collection. Moscow, 1910. 9, 442–451 (in Russ.).

14. Sobolev N. N. Styles in furniture: [historical review] / All-Union Acad. of Architecture. Moscow: Publ. house All-Union Acad. of Architecture, 1939. 352 (in Russ.).